

Adagio sostenuto

Si deve suonare tutto questo pezzo delicatissimamente e senza sordino

sempre pp e senza sordino

Вы меня знаете. Напрягитесь немного, вспомните. Старик, который играет на пианино в общественных местах, где ходит много народу. В четверг я в аэропорту Орли, а в пятницу — в Руасси. В остальные дни недели — на вокзалах, в аэропортах — в любом месте, где есть пианино. Меня можно частенько увидеть на Лионском вокзале — я живу совсем рядом. Вы слышали меня множество раз.

И вот однажды вы все-таки подойдете. Если вы мужчина, то и слова не скажете. Будете делать вид, что завязываете шнурки, а на самом деле слушать украдкой. А вот если вы женщина — тут я подпрыгну на месте, потому что как раз жду одну даму. Но не вас, без обид. Я жду ее вот уже пятьдесят лет.

У вас тысячи лиц, и каждое из них я помню и никогда не забуду. Вы — девушка, которая серым утром мотается между столицей и пригородом. Вы — тип в темном костюме, о котором я как-то подумал: «Он наверняка занимается любовью со рвением госслужащего», хотя это совершенно меня не касается. Я в первых рядах тех, кто знает, на-

сколько сложны женщины. Вы — белые, синие, красные, зеленые, всех цветов радуги — растерянно вертитесь вокруг пианино, потому что я не прошу денег. И вот тут вы заводите беседу. Разговор всегда начинается с одного и того же вопроса: «Что человек вроде вас тут забыл?» Как так «человек вроде вас»? И вы всегда отвечаете примерно следующее: «Ну, человек вроде вас, приличный, пусть и с небритой левой щекой. Хорошо одетый человек, пусть галстук и вышел из моды. В конце концов, человек, который так прикасается к инструменту. Вы играете как Бог, а может, вы вообще для Него играете? Такой талант нельзя растрачивать на вокзалы и аэропорты. Вы играете как все те пианисты, очаровывающие публику в пурпурных залах. А что вы тут можете очаровать? Мокрые перроны и отсыревший ковролин?»

Вы правы, мадам. Тонко подмечено, месье. Моя сцена пахнет рельсами и керосином. Мои Карнеги-холл и Ла Скала — это вокзал Монпарнас, аэропорт Шарль де Голль или Джона Кеннеди, Юнион-Стейшн. И на то есть причина. Длинная история, не хочу вам докучать.

И вы пойдете дальше своей дорогой — большая часть из вас. Иногда вы настаиваете. Предлагаете внушительную сумму, чтобы я сыграл на вашем дне рождения, светском ужине или бар-мицве, — и я колеблюсь. Вы предлагаете познакомиться с мужем, занимающим важную должность в филармонии. Или с дядей, художественным руководителем. Каждый раз я отказываюсь: спасибо, большое спасибо,

вы очень добры. Из меня никудышный гость: я люблю только открытые пространства, где гуляет сквозняк и хлопают двери.

Вчера вы меня спросили: «А вы будете здесь завтра?»

Завтра не четверг и не пятница, так что да, конечно, я буду здесь.

Протяжная до-диез между отправлением в Аннеси в девятнадцать ноль три и прибытием из Безье в девятнадцать ноль четыре, отойдите от края платформы, пожалуйста. Надо же, вы вернулись? Тогда я, наверное, представлюсь. Меня зовут Джо. Джо от «Джозеф», но уже давно никто меня так не звал. Джозеф — имя, достойное великого музыканта или отца мессии.

Хотите меня послушать? Конечно, чтобы проверить, понять, в чем тут загвоздка. Сегодня вы хотите Берга или Брамса.

Простите, я играю лишь Бетховена.

Вы слегка раздражаетесь, я это заметил. Извините. Не так-то просто расстаться с пятидесятилетней привычкой.

«Тогда сыграйте первую часть Лунной сонаты, — отвечаете вы. — Раз уж вы... классический музыкант».

Вы хотели сказать «банальный» — и не вы один. Вы поглядываете на часы: явно не желаете опоздать на ужин где-то в городе, к друзьям или коллегам, которые вас ждут — ведь закуски уже пода-

ны. Подняв руки, я жду ритм. Закладывая всем уши, локомотив скорого поезда ворвался на путь «Л». Электрический кит приплыл из Ниццы на скорости триста километров в час и выплюнул на платформу неперевавшихся мальков — те засуетились прочь от плотной массы из стекла и металла. Тела размялись и понеслись навстречу сну, алкоголю, сердечному приступу, скуке — как знать. Всё здесь: и надежды, и разочарования. Только вы не слышите.

Я прикасаюсь к клавиатуре: яростные арпеджио, аккорды, престо аджитато. Третья часть. Не та, что вы просили, — я не хочу быть предсказуемым. Вы сжимаете губы, зрачки расширились, словно у наркомана, вдохнувшего полной грудью после очередной дозы адреналина. В конце — долгое молчание.

Вас и тысячу людей вокруг только что охватил торнадо. Он поднял вас, выжал до капли и поставил на то же место. Вы не верите, что до сих пор живы. Больше никогда вы не скажете «банальный». Я знаю, что вы чувствуете. Никто не слушает равнодушно оглохшего гения.

Вы говорите: «Музыкантам вашего уровня без лишних разговоров выдают орден Почетного легиона. А тут же вас целый день игнорируют. Вы не думали стать исполнителем?»

Исполнителем? Я каждый день исполняю.

На вашем лице промелькнула нетерпеливая усмешка — я заметил, как у вас искривились губы. «Нет, исполнять на сцене. Не вы один начинаете карьеру в возрасте. Хотя вы еще молоды».

Благодарю, мадам, месье. Я должен остаться здесь. Я бы не хотел пропустить последний поезд. Оставьте себе ордена, медали и прочие знаки почета, которые отравляют душу и тяжелым грузом лежат на сердце.

«Вы могли бы прилично заработать, Джозеф. Купить свой собственный инструмент».

Я — Джо, а не Джозеф. И мне не нужны деньги. У меня есть любой инструмент, какой только пожелаю. И я не так молод — мне шестьдесят девять лет. По глазам вижу: вы хотите возразить. Но я остановлю вас, причем не из ложной скромности. Все, что я говорю, — правда. Я уже давно не молод. Я даже помню, когда именно постарел.

Пройдемте-ка на террасу кафе вон туда, напротив путей. Кофе, конечно, там так себе, зато кресла удобные. Думаю, в этот раз мне придется объясниться.

Все началось, когда я заболел. Неизлечимо. Только не подпрыгивайте так — я не заразен. Блезнь поразила меня второго мая тысяча девятьсот шестьдесят девятого года. И я тут ни при чем: любой, кто ее подхватил, скажет вам то же самое.

Вы не найдете мой недуг в медицинских энциклопедиях.

А жаль.